

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОД «МОСКОВСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ В. МАКАНИНА «ПРЕДТЕЧА»

Ключевые слова: знак, код, «московский текст», урбанизм.

Keywords: sign, code, «Moscow Text», urbanism.

Проза известного русского писателя В. С. Маканина относится к таким ярчайшим явлениям современного литературного процесса, которые органично вписываются в контекст нынешних художественных поисков. С первых литературных шагов (роман «Прямая линия», 1965 г.) и на протяжении уже почти столетия писатель и его творения привлекают пристальное внимание исследователей. Каждое творческое десятилетие открывало новые грани маканинского таланта. Важной вехой в эволюции писателя становится середина 70-х годов, когда Маканин был отнесен к так называемому поколению «сорокалетних» (термин В. Г. Бондаренко). Многие критики усмотрели в самом определении неточность и недостаточную долю условности, но В. Г. Бондаренко смог обосновать термин, ссылаясь на такие критерии, как время вхождения в литературу и позднее творческое созревание этого поколения. [1, с. 13]. М. В. Селеменова дополняет данную концепцию тезисом о том, что стержневым компонентом творчества «сорокалетних» является городская проза [7, с. 357]. В диссертации исследовательницы, где основное внимание уделяется произведениям В. Трифонова и выделению в них «московского текста», отдельная часть посвящена анализу некоторых творений В. Маканина, в которых писатель, по мнению М. В. Селемёновой, продолжает традиции трифоновской школы и предлагает свой вариант «московского текста».

Роман В. Маканина «Предтеча» (1982) представляет особый вариант моделирования «московского текста», где урбанистические процессы тесно связаны с судьбами героев. Очередной творческий эксперимент не остался незамеченным критикой, о чем свидетельствуют статьи В. Камянова, А. Казинцева, И. Соловьевой. Отдельные аспекты поэтики этого романа анализируются в диссертационных исследованиях Т. Ю. Климовой и В. В. Иванцова. В статье предпринята попытка осмысления «московского текста» в романе «Предтеча». Под «московским текстом» мы будем понимать определенную матрицу, которая состоит из топографических, ландшафтно-климатических, топонимических и знаково-символьных компонентов, организованных вокруг мифопоэтического «поля», согласующегося с константными признаками городского текста. Индивидуально-авторским в структуре «московского текста» прозаика оказывается тип героя, а также особая поэтика урбанизма.

Характерной чертой маканинской прозы этого периода (80-е годы) становится изображение «самотечности» жизни, которую М. Липовецкий определил как «бездумную инерцию повседневности, банальное сумасшествие будней» [4, с. 148]. Герои, полностью поглощенные городской суетой, бытом, расписанием, не замечают ни человеческих чувств, ни красоты московской природы. И лишь болезнь может

нарушить естественный ход человеческого существования, погружая героя в так называемую «конфузную ситуацию». Под этим феноменом понимается «способ обнаружения индивидуального начала в социально-стереотипизированном человеке» [6, с. 78], что стало художественным открытием В. Маканина и своеобразной визитной карточкой его творчества. Роль целителя выполняет Сергей Якушкин, который пытается показать своим пациентам, что бездуховность влечет за собой телесные недуги, а излечиться можно только отказавшись от «самотечности» жизни. В. В. Иванцов считает, что такой герой способен напомнить людям об истинных жизненных ценностях, «вывести их за пределы «самотечности» бытия» [3, с. 196]. Это мнение согласуется с суждением И. Соловьевой, которая видит в образе Якушкина желание В. Маканина «написать вполне прекрасного человека» [8, с. 335]. Но, поддерживаемому лишь небольшим количеством «якушкинцев», герою так и не удалось открыть людям путь нравственного и духовного очищения, что, по мнению В. В. Иванцова, связано с его косноязычием и нестремлением к диалогу [3, с. 197]. Но, возможно, проблема была двусторонней, – люди тоже не хотели слушать и верить, поглощенные «самотечностью» и убежденные в том, что «лишь бы сейчас все было хорошо» [5, с. 255]. Возникший спрос на услуги народной медицины показывает, насколько люди (заурядные герои) обеспокоены своим физическим здоровьем, не заботясь о духовной стороне жизни: «Становилась иная пора. На службе и дома, в застолье и в городском транспорте люди все больше говорили о здоровье» [5, с. 154]. В романе «Предтеча» «самотечность» жизни «серединных» персонажей программирует основной знаковый код «московского текста», определяет его специфику и своеобразие.

Писатель не создает целостный образ Москвы, он распадается на конкретные локусы – дом, квартиру, гостиницу, административные здания, переходы метро, вокзал, магазин, улицу. На топографической карте столицы как «знаки» «московского текста» представлены переходы метрополитена, Химки, Большой театр, Курский, Казанский и Белорусский вокзалы. Топос вокзала ассоциируется с дорогой, расставанием, «убегом», а В. С. Елистратов называет «архетипы поезда, электрички, вагона, перрона, вокзала – типично московскими архетипами» [2, с. 673]. Примечательно, что знахарь Якушкин ставит непременно условием для выздоровления своих пациентов – отъезд в другое место: отказ «от городской напористой жизни, от излишеств – денег – выпивки – женщин – должностей» [5, с. 22]. С этим согласуется мнение другого знахаря – Суханцева, который констатирует, что столицу населяют «больные люди, нервные, загнанные ритмом большого города» [5, с. 213]. Для писателя способом преодоления «самотечности» жизни, тесно связанной с суетой мегаполиса, является выход за пределы урбанистического пространства и обретение спокойствия, поэтому неслучайным оказывается «набор» подобных топографических мест. С другой стороны, В. Маканин показывает механизм «привыкания» к московской жизни. Коля Аникеев, провинциал с Урала, тяготеет жизнью большого города, а, решившись остаться, он «по-прежнему любил на ночь глядя почитать о деревне и о зимнем лае собак, слыша, как стискивается в приливе нежности сердце» [5, с. 97]. Но пасторальные мотивы остаются в прошлом, как только герой достигает успехов в журналистской деятельности и обретает любовь. «Самотечность» жизни закрутила в своем водовороте этого героя, который оказался самым заурядным человеком: «Закурив и приостановившись, Коляня смотрел на высокие, розовевшие от солнца

башни, которые ничуть на него, Коляню, не давили, не смыкались крышами, не сосали из него кровь, и вообще ничего дурного и зловещего в них не было. Коляня жил в городе. Теперь – как все» [5, с. 242].

Но за «самотечностью» жизни скрывается еще один «знак» «московского текста», который реализован в маканинской формуле – «одиночество – болезнь большого города» [5, с. 119]. Одинокими герои себя чувствуют не только из-за потери родных, но также из-за отсутствия близких друзей, которые могут поддержать и понять в трудную минуту жизни. Отчуждение царит между родителями и детьми, мужьями и женами, друзьями, коллегами. С этим мотивом перекликается поэтика телефонных разговоров как замена личного общения или способ уйти от правды, ведь «по два раза на день по телефону лжете, все равно кому» [5, с. 81], – обличает знахарь Якушкин. Возможно, способом преодоления одиночества служит появление новых увлечений у горожан: «Сказалось веянье: любовь к собакам только что и триумфально вошла в большой город. У людей, занятых и нервных, обнаружались неисчерпаемые запасы любви к животным...» [5, с. 162-163]. Но подобная «подмена» любви не становится выходом из тупика одиночества и лжи, о чем не раз предупреждает Якушкин.

Еще одним мотивом «московского текста», тесно связанным с одиночеством, является тема пьянства и разгула. В романе делается акцент на том, что именно алкоголь способствует телесным и духовным недугам. Все случаи выздоровления сопровождались отказом от выпивки (Дериглотов, главный инженер завода). В. С. Елистратов, относит водку и спиртное к натурфилософским первостихиям, которые, в первую очередь, характерны для московского образа жизни как способ согревания тела и души, а, с другой стороны, водка «сближает» людей, развязывает им язык [2, с. 685]. В. Маканин фиксирует обратное: его герои чаще всего пьют в одиночестве, чтобы «убежать» от проблем, забот или болезней.

Процессу урбанизации, который является важной составляющей любого городского текста, в творчестве В. Маканина отведено скромное место. Это объясняется провинциальным происхождением писателя, а также осознанием, что урбанизация несет на себе печать прогресса, поэтому «герои Маканина воспринимают урбанизацию как нечто естественное, неизбежное, а переезд из старых домов в новостройки – как улучшение жилищных условий» [7, с. 362]. Каждый его герой (особенно приезжий) стремится купить или обменять жилье, приобрести дачу и машину, таким образом, погружаясь в «самотечность» жизни. Скорость разрастания столицы в 80-е годы зафиксирована писателем как закономерное условие развития прогресса: «Башни были далеко – сначала; Москва, поглощая, расширялась незаметно и неспешно, однако после каждого по пути проглоченного поселка московские башни, удивляя, становились крупнее и выше, огни окон – ярче, ночи – светлее» [5, с. 52]. За быстрыми темпами урбанизации, помимо материальных благ, скрывается суетность и механическое существование горожан, что удалось увидеть предтече Якушкину.

Маканин фиксирует реалии жизни в Москве в 80-е годы, которые становятся своеобразными «знаками» времени – быстрые темпы урбанизации, повышенный интерес к народной медицине, появление новых увлечений, поэтому среди «серединных» героев возникают целители и новоявленные бизнесмены (как предтечи «новым русским»). Эти временные вехи предопределяют семиотическую структуру «москов-

ского текста», выявляя характерные особенности текста самого В. Маканина, главной из которых становится фиксация «самотечности» жизни и моделирование «конфузной ситуации». Чертами уникальной личности обладает Якушкин, сделавший попытку показать людям смысл их сиюминутного существования, но непонятый и потерявший дар: этот герой оказался забытым и заменен модой на «платных йогов, доморощенных иглоукальвателей, наложителей рук, телепатов» [5, с. 155].

Авторская модель «московского текста» В. Маканина вписывается в матрицу городского текста, обнажая архетипичные первознаки Москвы, и присущие писателю мировосприятию и описываемому времени характерные признаки жизни в столице.

Литература:

1. Бондаренко В. Г. «Московская школа», или Эпоха безвременья: Критические статьи / В. Г. Бондаренко. – М.: Столица, 1990. – 272 с.
2. Елистратов В. С. Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь / В. С. Елистратов. – М.: Русские словари, 1997. – 703 с.
3. Иванцов В. В. Пространственно-временная организация художественного мира В. С. Маканина: Дис. кандидата филол. наук / В. В. Иванцов. – СПб., 2007. – 239 с.
4. Липовецкий М. Против течения. Авторская позиция в прозе Владимира Маканина / М. Липовецкий // Урал. – 1985. – № 12. – С. 148-158.
5. Маканин В. С. Предтеча / В. С. Маканин. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.
6. Мотыгин С. Ю. Поэтика В. С. Маканина: Дис. канд. филол. наук / С. Ю. Мотыгин. – Астрахань. – 1997. – 197 с.
7. Селеменова М. В. Художественный мир Ю. В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: Дис. доктора филол. наук / М. В. Селеменова. – М., 2009. – 575 с.
8. Соловьева И. Натюрморт с книгой и зеркалом / И. Соловьева // Маканин В. С. Повести. – М.: Книжная палата, 1988. – С. 329-335.